

Она успела уловить за спиной движение огромного грузовика, прямо-таки летящего в туче брызг у самого краешка дороги. И услышала жесткий скрежещущий удар металла о металл. Оглянулась и — застыла в шоке. Там, где только что была автобусная остановка, виднелся искореженный изогнутый чудовищным ударом, лишенный стеклянного обрамления металлический черный скелет. Чуть поодаль лежали бесформенными мокрыми грудями несколько мертвых тел. И над всем этим ужасом величественно замер светлый КАМАЗ с изуродованным бампером и выбитыми лобовыми стеклами...

«А я ведь там постоять под крышей хотела», — растерянно подумала Любка, пребывая в каком-то странном недоумении. Мысли текли заторможено, лениво, будто во сне. Сколько она пробыла в таком состоянии — наблюдая, как начала собираться толпа, несмотря на усилившийся дождь, как подъехали одна за другой машины «Скорой помощи» и полиции, как суетились, перекладывая на носилки тела пострадавших фельдшеры и врачи, как бормотали что-то невнятное промокшие зеваки — Люба не могла понять. Может, час, а может и десять минут. Хотя, десять-то минут вряд ли, пропитаться влагой её ветровка успела изрядно прежде, чем в голове у девушки что-то перемкнуло: «Я ведь в салон связи за чем-то собиралась», и она неторопливо побрела с места происшествия, возле которого ей лишь чуть-чуть самым кончиком черного страшного крыла привиделась внезапная смерть, напоминая о бренности всего живого и суетности мимолетных желаний.

... — Вам чем-нибудь помочь? — и тут же, без перехода, подошедший к посетительнице менеджер маленького торгового зала, заставленного стеллажами со смартфонами и аксессуарами к ним, искренне удивился: — Любка? Ты? А чего бледная, как смерть? На себя не похожа?

Девушка подняла голову, оторвавшись от тупого разглядывания застекленной аппаратуры. Узнала тут же, память на лица и имена у нее была отменной.

— Привет, Тима, я вот только что с улицы. Видел, что там случилось?

Этот шустрый невысокий и худощавый паренек на последнем гульбище в чьей-то чужой квартире все пытался пристроиться к Любе, но занял, кажется, неудачную позицию и оказался в конце очереди. Махнув рукой на случившийся облом, он тогда скрылся в соседней комнате с кем-то из подруг именинницы, а может, и сразу с двумя, этот момент девушка помнила уже не так отчетливо.

— Девчонки рассказали, они у нас здесь шустрые, — понимающе кивнул парень. — А ты что — там была, что ли?

— Только-только отошла от остановки, как туда — грузовик, — рассказала, с трудом подбирая слова, Люба. — До сих пор коленки трясутся. Десять шагов, и меня бы уже на свете не было. Что-то сообразив для себя, Тимофей быстро глянул на часы, эх, до конца рабочего дня еще очень долго, но можно и попробовать выкрутиться.

— Тебе сейчас выпить надо, — авторитетно посоветовал он девушке. — Самое лучшее средство при стрессах!

— Где бы еще выпить и что?

— Сейчас организую, заодно попрошу соседок присмотреть за залом, — деловито засуетился парень. — Ты чего зашла-то к нам? Просто так?

— Ну, зарядка на телефон нужна, — вспомнила о цели своего визита в салон связи Люба. — Посеяла где-то свою, а смарт разрядился почти.

— Сделаем, — изобразив на лице безусловную важность своей персоны, кивнул Тима и тут же исчез из зала.

Вернулся он, можно сказать, молниеносно, приведя с собой некрасивую, вульгарно накрашенную девицу в зеленой блузке с бейджиком. «Это Валька, она тут побудет пока...» В руках Тимофея соблазнительно позвякивал содержимым фирменный пакет.

— Ты куда меня тащишь? — словно очнувшись от долгого странного сна, спросила Люба. Они пробирались по каким-то пустынным коридорчикам, раскинувшимся невнятным лабиринтом сразу за служебным выходом салона.

— Здесь у нас подсобочка одна имеется, — пояснил Тима. — Кругом-то камеры, охрана бдит. Конечно, доносят редко, но мне попадаться сейчас никак нельзя. Жду повышения. Вот и шкерюсь, как в школе, если что...

Он быстро огляделся по сторонам и втолкнул спутницу в одну из безмянных белых дверей, и Люба оказалась в довольно тесном, заставленном пластиковыми ведрами, швабрами и бутылками с моющими средствами помещении. Впрочем, весь этот инвентарь был аккуратно сдвинут к стенам, а центр занимал высокий столик с маленькой столешницей на одной толстой ножке и пара побитых, но еще пригодных для сидения барных стульев.

Парень замкнул за собой дверь на ключ, и только после этого из фирменного пакета появились и расположились на столе две бутылки водки, пара апельсинов и два разовых стаканчика.

— Ты без обид, — сказал Тима, поглядывая на скромную закуску. — Что под руку подвернулось, то и взял...

— Какие обиды, — равнодушно махнула рукой Люба, с неожиданно жадностью глядя, как льется в емкость прозрачная прохладная жидкость.

Кажется, водка у Тимофея оказалась на класс выше, чем девушка пила прошедшей ночью у Феди и Васи. Во всяком случае наполненный почти под завязку стаканчик ушел в один продолжительный и смачный глоток.

Любаня прислонилась спиной к стулу, чувствуя, как растекается в желудке обжигающая жидкость, и поняла — её только сейчас начало немного отпускать. Она даже глаза прикрыла, так это было хорошо... И сразу не поняла — то ли в самом деле задремала, то ли просто впала в странное оцепенение, которое и не сон, и не явь, а нечто третье, вовсе необъяснимое?..

... — Давай повторим? — предложил паренек.

Стаканчики были довольно-таки мелкими в сравнении с родными гранеными. Но выпить спокойно им не удалось. В дверь скользнула и остановилась напротив Тимы маленькая, тощая и смуглая азиатка в просторном синем с черным казенном халате и цветном платке, повязанном на густых иссиня-черных волосах. На вид она было совсем молоденькая, хотя на самом деле, кто их там разберет? Может, уже и постарше Любы, и детей куча по лавкам сидит. Или в одной девятиметровой комнате ютятся, что ближе к истине.

— Чего тебе, Айнура? — поморщился Тимофей, видно не ожидавший появления здесь в это время маленькой уборщицы. — Видишь же, не до тебя.

Но у гастарбайтерши, видимо, были свои резоны обратить особое внимание на происходящее в подсобке. Вместо того, чтобы забрать ведро, швабру, еще какой инвентарь и быстренько покинуть помещение, она подступила к парню и зашептала громко и отчетливо, правильно,

но с изрядным акцентом выговаривая русские слова:

— Ты сказал, меня ипать будешь, чтобы мужа не трогали! Ты меня ипешь, когда хочешь. Разве мало? Я тебе «нет» когда говорила? Зачем тогда сюда эту привел? Тут наше место.

— Ты дура, — немного рассердился, а больше — сделал вид, что сердится, Тимофей, которому такая неуместная ревность была чем-то даже лестна. — Видишь, у человека неприятности. Её сейчас чуть на той остановке не убило. Видела, небось, что на улице творится? Любана срочно надо стресс снять. А мы свои стрессы только по-русски снимаем — водкой.

— Э-э-э, — понимающе протянула Айнура. — А после водки драть её будешь, да? А то как же. Мой тоже, как выпьет, обязательно на меня лезет. Знаю я.

Она вдруг ловко подхватила налитый стаканчик Тимофея и опрокинула себе в рот спиртное. Ахнула, закашлялась слегка и потребовала:

— Сперва меня ипать будешь, а тогда уже и её. Если захочешь.

— Отстань, Айнура, — попробовал оттолкнуть маленькую уборщицу от стола парень. — Тут по подсобкам твой мужик шныряет.

— Он далеко шныряет, а ты рядом, вот.

Спасаемая от стресса Люба со все большим интересом наблюдала за происходящим, постепенно оживая после уличного шока. Казалось, эта неожиданная сценка подействовала на нее гораздо лучше водки.

— Ну, не при всех же? — попробовал пустить в ход последний слабенький аргумент парень. — Здесь, если заметила, еще одна женщина есть.

— Зачем говоришь? Что меня муж при своей сестре не ипал? Или при друзьях уже здесь, в Москве? Когда захочется, ни на кого не смотришь. Давай, ипи! — требовательно заявила Айнура, поворачиваясь к Тимофею задом. Она ловко забросила на спину полы халата и, быстро спустив до щиколоток просторные форменные брюки, наклонилась, уперевшись ладонями в колени. Никакого нижнего белья под брюками уборщица не носила. И тощие, будто нарочито раздвинутые ягодицы не скрывали яркого шоколадного, явно давно разработанного пятнышка ануса, маленьких но уже приоткрытых половых губок и едва заметной дырочки между ними, готовой принять мужчину.

Тима замычал что-то невнятное, в недолгих сомнениях косясь на свою гостью. Она и сама явно не возражала против интима один на один. Но просто так сдаваться и уступать очередность, видно, среди них было не принято.

— Ну, допьем, что есть, и сходим, — отозвался один из напарников.

Люба скромненько промолчала. После короткого, но очень приятного секса с двумя партнерами прошлой ночью, трахаться сегодня сразу с четырьмя до самого утра — охране-то спать не положено — ей, откровенно говоря, не очень-то хотелось. Хоть и выпила она уже изрядно, но тут ведь не клуб, где, бывает, срывает башню от музыки, танцев и спиртного — сразу. А сейчас пьяная «башня» была на месте и понимала, что именно должно получиться, согласись она уступить хотя бы одному и на полчаса.

«Черт! И что теперь? — подумала Люба, принимая в руки очередной пластиковый стаканчик с водкой. — И потрахаться аж зачесалось, и со всеми, даже один на один и по очереди — не хочу...»

Она, выпив, вдруг резко прижала ладонь к солнечному сплетению и сдавленно спросила:

— А сортир-то у вас по ночам работает?

— Еще как! Давай провожу, — обрадовался первый претендент на её прелести.

Любка пошатнулась, вовсе не притворяясь, едва не улетела к стене, хмыкнула что-то неразборчивое и потянула на себя сумочку, мол, как же потом и не подкрасить губки.

По узкому светлому коридору парень с трудом довел сильно опьяневшую с последней дозы девушку до скромной комнатки служебного, одноместного туалета и хотел уж было присоединиться к ней внутри.

— Тебе в кайф будет смотреть, как я блюю? — икнула и поморщилась вроде как от очередного приступа тошноты Люба. — Погоди здесь, я быстро...

Блевать, конечно, девушке не хотелось, она просто пописала, порычала, как умела, над белоснежной раковиной и, вернувшись к сопровождающему, попросила:

— Давай на улицу выйдем, проветримся? Я что-то совсем поехала не туда... Вырублюсь еще, чего доброго. Кому это надо?

Разумеется, охранник совсем не хотел трахать бесчувственное тело. Его и так пьяные женщины не сильно привлекали, разве что, когда совсем невтерпеж, как сейчас, потому он и вывел Любку под освежающий дождичек, благо, от служебного туалета пробираться к запасному выходу было совсем недалеко.

Девушка на улице распахнула ветровку, ловя влажный прохладный воздух напрягшимися от холода сосками под клетчатой «ковбойкой».

— Слушай, — все так же пьяно и откровенно обратилась она к охраннику. — Я не хочу со всеми, понимаешь? Давай с тобой где-нибудь вместе спрячемся, потрахаемся. Я вовсе даже хочу тебя. А вот с остальными...

И тут ей на помощь неожиданно пришла сигнализация, разразившаяся громким пронзительным визгом и суровым зуммером где-то с другой стороны здания торгового центра. Усиленно соображающий, где же можно уединиться с девушкой без своих сослуживцев, да еще так, чтобы они не заметили сразу, парень от неожиданности резко дернулся и, распахнув двери, сунулся внутрь, пытаясь понять, что же и где именно случилось на вверенном ему объекте.

Этого было достаточно, чтобы Любка скользнула в темноту за угол здания и изрядно пошатываясь, резво побежала в сторону притихшей на ночь, но все равно ярко освещенной трассы. Что подумал ей вслед обломившийся охранник, она прекрасно себе представляла, но тут уж ничего не поделаешь — судьба сегодня многим преподнесла сюрпризы.

Она бежала, уже плохо соображая куда и зачем, и пришла в себя, задыхаясь и хлюпая носом, только у подъезда, из которого вышла несколько долгих часов назад. Подождала, пока утихомирится дыхание, попыталась вспомнить, какой же входной код, а потом сообразила — домофон-то сломан уже которую неделю. Даже Федя жаловался, когда они только-только приехали к нему домой после случайного знакомства на улице. Вместе с облегчением от понимания, как попасть в подъезд, удушливой гулкой волной вернулось опьянение. Люба с трудом, почти держась за стенку, пробралась от входной двери до лифта и долго-долго стояла в кабине, выставив ногу и не давая закрыться створкам, вспоминая, на какой же этаж ей сейчас надо подняться. Вспомнила.

Потом она бесконечно возилась, выискивая в сумочке два заветных ключа. И с трудом смогла вставить один из них в скважину, чтобы убедиться — замок открыт. «Значит, будем орудовать вторым!» — логично решила девушка и все-таки сумела проникнуть в спящую квартиру.

С трудом затворив за собой на замок дверь, сбросив прямо на пол куртку, она принялась стягивать с бедер джинсы, сперва забыв про обувь, но потом сообразив и сняв кроссовки и

носки. Вместе с джинсами почему-то стянулись и стринги, а последней на пол полетела «ковбойка». Стараясь передвигаться потише, но все равно отчаянно шлепая босыми ногами по полу, Люба остановилась при входе в комнату, гадая: «За шкафом Федя? Нет, кажется, это было место Васи, он же там до меня спал? Или нет? Точно, за шкафом Вася, но он большой, вместе будет неудобно. А вот диванчик широкий, там можно пристроиться...»

Она, громко и натужено дыша, подкралась к лежащему на спине парню, в темноте не различая даже силуэта, откинула с него одеяло и плюхнулась рядом на живот. Тут же чуть повернулась и, не долго думая, сунула холодную ладонь в семейные мужские трусы, поймав вялый во сне член, и зашептала, как ей показалось, соблазнительно и возбуждающе: «Федя, я ебаться хочу — аж зубы сводит...»